

Достоевский и сытый зритель

Французский писатель Андре Жид называл повесть «Кроткая» «...изумительной вещью, одним из самых мощных творений Достоевского». Приятно, что в Год театра в Барнауле обратились к творчеству писателя, ведь Достоевский бывал в нашем городе неоднократно и даже мечтал жить в нем, «...если ничего не будет другого по манифесту».

Работа над спектаклем началась почти год назад, в мае 2018-го, в рамках творческой мастерской по творчеству Фёдора Михайловича Достоевского «Человек — целый мир». В творческом эксперименте принимали участие пять молодых режиссеров, они представили свои эскизы, мини-версии спектаклей. Право на полноценное воплощение на сцене получил смелый эскиз молодого актера и режиссера из Санкт-Петербурга Рачи Махатаева, окончившего Российский государственный институт сценических искусств (СПбГАТИ). Свой выбор именно этого произведения Достоевского режиссер объясняет тем, что произведение небольшое по объему, но глубокое по смыслу, парадоксальное, как сама жизнь.

В основе повести лежит вечная проблема взаимоотношений мужчины и женщины, семьи, которую трудно назвать семьей. Писатель говорит о том, как порой сложно совместить жизнь разума и сердца; что неприемлемы расчет в семье, попытки математически спланировать будущее счастье, сложить его из материальных ценностей. Планирование семейной жизни героя дается в повести в соответствии со схемой буржуазной драмы, власти денег.

В этом смысле знакова сознательно выбранная героем профессия — Закладчик, он дает деньги в рост. И не менее значимо отсутствие его имени. Обиженный на весь мир человек, получая наследство,

Она — актриса Лена Кегелева. Спектакль «Кроткая».

Фото Любови Малионой, Алтайский краевой театр драмы имени В.М. Шукшина

становится ростовщиком и женится на сиротке, спасая ее от верной гибели. И это тоже расчет, поскольку он выбирает себе в жены Кроткую. В самом начале семейной жизни он властно и холодно отсекает проявления нежности в своей супруге, потому что ему кажется, что его системная запрограммированная любовь, которую он должен вырастить в жене, надежнее.

Спектакль получился тонкий и неординарный, яркий и запоминающийся, вызывающий и восхищение, и протест, но не оставляющий равнодушным. Молодой и очень талантливый режиссер Рача Махатаев считает: «Театр — это пространство смысла». Он продемонстрировал экспериментальный характер постановки, новое прочтение классики, петербургскую школу, объединяющую разные произведения Достоевского в единый метатекст. В спектакле внимательный зритель уловит мотивы «Записок из подполья», романов «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Бесы» и других произведений автора.

Лично меня покорило портрет Достоевского с заклеенными красной полоской глазами. Возможно, именно так, через дерзость, протест, эпатаж, режиссер хочет достучаться до современной сытой аудитории.

Сценический минимализм противопоставлен глубине психологической драмы. В начале спектакля зритель видит огромный короб-гроб из пластиковых ящиков и мертвенно-бледные ноги трупа с биркой на левой ступне. Это — воплощение краха семьи, мечты, надежд. Блистательно переданы смешение и противоречивость чувств тотально одинокого теперь героя: и желание поглядеть, обнять и поцеловать самые родные в мире ноги, и страх перед неживым уже телом, и протест, нежелание смириться с происшедшим. Спектакль идет на едином дыхании.

Ростовщик (Константин Кольцов) держит зрителя очень цепко, не отпуская ни на секунду. Прекрасно играет Она (Лена Кегелева).

Удивительны еще два персонажа — современное Добро в белом (Дмитрий Плеханов) и Зло в красном, в толстовке и кроссовках, с увесистой битой (Анастасия Южакова). Актрисе удалось создать притягательный, современный и неординарный сценический образ. Анастасия Южакова на обсуждении спектакля ответила иронично об ощущении себя в своей роли: «Где еще можно похаркать на сцене?» Рисунки мелом на стенах создают ощущение раздвигающейся реальности, погружают зрителя в пространство Петербурга, России, сообщая происходящему признаки типичности, выявляя его универсальный характер. Органично в этом смысле и открытое сценическое пространство без кулис. Такая форма театрального пространства объединяет актеров и зрителей, делает их сопричастными действию и в какой-то степени ответственными за судьбу героини. Символично движение Кроткой по кругу: от дома — к Закладчику по холодному, безразличному и вечно морозящему Петербургу.

Режиссеру и актерам удалось синтезировать комическое и трагическое. Комические моменты (а их довольно много: распитие водки, нарисованная фата, манипуляции с ящиками) снимают напряжение на секунду, дают психологическую разрядку зрителям и заставляют пережить узнавание: в классическом произведении увидеть вариации собственного опыта. Далее мы увидим молчаливое противостояние, войну мужчины и женщины, попытку подавить другого и, наконец, самоубийство Кроткой с иконой Богородицы в руках, выражающее протест против расчета в семье, против размывания границ между Добром и Злом... Наконец, это и месть мужу, поскольку своим поступком она ставит точку в их больном диалоге.

Мечты Ростовщика о любви, несостоявшемся счастье и гармонии семейной жизни с любимой женой звучат очень современно и остро. Ушел на два часа, чтобы сделать загранпаспорта и, наконец, подарить любимой любовь, море, Булонь, и опоздал всего на пять минут, которые оказались роковыми.

Достоевский свидетельствует: попытки сугубо рационального устройства жизни обречены на провал, жизнь богаче наших рациональных представлений о ней. Запретительный поступок жены удивительным образом пробуждает в Закладчике душу, его молчание прорывается

Сцена из спектакля «Кроткая». Она — Лена Кегелева, Ростовщик — Константин Кольцов. Фото Любови Малионовой, Алтайский краевой театр драмы имени В.М. Шукшина

страстной исповедью, монологом, потоком сознания страдающего мужчины, который со смертью жены потерял весь мир и обрел себя.

Финал спектакля нестандартный, неожиданный, яркий. Для меня более ожидаемым был бы звон церковного колокола, символизирующий воскресение души, осмысление дальнейшего пути и выхода из кризисной ситуации. Но после слов Белого, воплощающих авторскую интенцию: «Любите друг друга!», неожиданно в темноте звучит выстрел как знак конечности бытия человека.

Хочу выразить благодарность актерам за блистательную игру, предельную откровенность чувств, смелость решения образов, режиссеру — за выбор произведения и его экспериментальную сценическую реализацию, за теплую встречу-обсуждение в Алтайском государственном университете. Надеюсь, что Рача Махатаев продолжит сотрудничество с Алтайским театром драмы. Зрители в преддверии 200-летнего юбилея Достоевского ждут новых интересных постановок по его произведениям.

Спектакль по Достоевскому — хороший повод вспомнить о том, что с 2015 года комитет по культуре Барнаула рассматривает вопрос о переименовании площади Спартак-2 в площадь Достоевского и установки на ней памятника писателю.

Многие улицы в старой части Барнаула названы именами писателей — Пушкина, Толстого, Гоголя, Чехова, Некрасова, Никитина, Ядринцева и др. Столица горного дела на Алтае всегда была прогрессивным городом: улица Пушкина (прежде была Иркутской) названа именем классика в юбилейном 1899 году, первой в Сибири, третьей в России. Улица Льва Толстого появилась в 1910-м — в год смерти автора «Войны и мира». Но из великих писателей в Барнауле лично бывал только Фёдор Михайлович Достоевский, причем не единожды. Существующий в городе проезд Достоевского (расположенный в частном секторе недалеко от парка «Юбилейный») не может быть достойным выражением народной любви и уважения к писателю.

Несколько лет в Барнауле витает идея установки памятника великому русскому писателю в старой части города на пересечении улицы Большой Олонской и проспекта Ленина и присвоении имени Ф.М. Достоевского прилегающей к памятнику площади. Именно здесь и останавливался автор мировой величины. Писатель любил жить на пересечении улиц и чтобы из его окон была бы видна церковь.

Достоевский в письмах подарил Барнаулу эпитет «милейший» и зашифровал наш город в повести «Дядюшкин сон». Достоевский мечтал жить в Барнауле. ■

Елена Сафронова